

Неделя, 1985, 11 фев., № 7

Песня в солдатской шинели

СВЕТ И РАДОСТЬ ПРЕЖНИХ ВСТРЕЧ

У Расула Гамзатова есть такие строки:

Мне помогала музыка забыть
То, что не мог я позабыть, бывало.
И то случалось музыке будить,
Что было на веку, да миновало...

Музыка, которая сейчас звучит во мне, с предельной точностью выбирает из прошлого то время, когда уже не гремели пушки и на землю пришла тишина. Но война была еще жива. Она обитала в первых этажах школьных зданий, где пока оставались госпитали. Она пряталась в лугах и среди хлебов, жила вокруг в каждом слове, вздохе и, конечно же, в песнях. «Катюша», «Ростов-город», «Под звездами балканскими» были нашими отрядными песнями. «И на груди его светилась медаль за город Будапешт», — выводили неокрепшие детские голоса, и нам вторил слепой баянист Леща. Бывший танкист...

Все это я вспоминаю на пути к Матвею Блантеру, одному из тех композиторов, чьи песни прошли с нашей армией славный боевой путь от Москвы до Берлина. Папка с письмами фронтовиков, полными слов любви и тепла, признаний «ей, верной спутнице солдата—песне», слегка оттагивает руку. И когда народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Матвей Исаакович Блантер открывает мне двери своего дома — он открывает их для каждого из тех, чьи письма мы будем сейчас читать.

...«Чем дальше уходит от нас война, тем дороже и ближе становятся для нас, фронтовиков, эти песни», — пишет М. Сухов. — Когда я слышу мелодию вальса «В лесу прифронтовом», память возвращает меня в сорок четвертый год. В землянке полным-полно раненых. Подтаскивают еще — идет бой. «Не спите, вам нельзя спать», — тормошит меня санинструктор Галя. — Заснешь — не проснешься. Разговаривайте, пойте что-нибудь». И я затаил любимое «Так что ж, друзья, коль наш черед, да будет сталь крепка». Как уж я пел, естественно, не помню. Очнувшись после операции в госпитале, сосед смеется: «О, солист глаза открыл».

— Стихи «В лесу прифронтовом» написал Михаил Исаковский. Большой поэт, с которым мы много лет работали вместе. Исаковский был очень больной человек — катастрофически терял зрение. Пришлось эвакуироваться. Представьте себе: сидит он там, в Чистополе, с детьми, женщинами. И мучается от сознания своей беспомощности. И, как ему кажется, беспольности. А друзья воюют: Твардовский, Симонов, Сурков... Я хотел, как и все наши композиторы, уйти в ополчение, но был командирован на Всесоюзное радио. И вот в 1942 году получаю от Исаковского письмо: «Матвей, я написал стихи. Может, этим обеспечу хоть какое-то участие в войне...» С первых же фраз было ясно — стихи стоящие. Так появился вальс «В лесу прифронтовом»...

— Который довольно быстро стал одной из популярнейших фронтовых песен...

— Видите ли, в появлении каждой песни, вообще любого произведения искусства есть свой predeterminedный смысл. Этот вальс был написан перед Сталинградской битвой. В момент фронтового затишья. Можно было только догадываться, каково же по грандиозности масштаба и времени предстоит сражение. Все жили ожиданием. И одновременно были готовы принять и выдержать любой бой. В это время и появилась песня «В лесу прифронтовом». Чувствуете, как безошибочно интонация стиха:

Настал черед, пришла пора —
Идем, друзья, идем.
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем.

— Матвей Исаакович, если вас послушать, то любовь к вашим песням только тем и объясняется, что они «подоспели в срок». А как же быть с «Партизаном Железняком», которого запели еще до войны? «Катюша» тоже родилась в мирное время. «В соседнем подразделении был такой случай, — вспоминает бывший санинструктор Л. Егорова из Москвы. — Однажды наши бойцы услышали: у немцев «крутят» «Катюшу». Был час затишья, и фрицы ставили пластинку без конца — раз, другой, третий... Наши разозлились: «Катюша» у фрицев! Отбить!» И вражеский окоп атаковали! Пока фашисты сообщали, что к чему, патефон и пластинка были в советском расположении. И «Катюша» пела для своих»...

— Да, действительно, был такой случай. О нем впервые рассказал Илья Сельвинский. Лестно, разумеется, но ведь это больше говорит о другом — о замечательном свойстве характера нашего солдата. Только благодаря этим замечательным людям могло появиться на свет сколько-нибудь значительное из того, что рождало в войну наше искусство. Они своим существованием обязывали работать с максимальной выкладкой. И когда в часы затишья на войне звучали мои песни, я был счастлив. Значит есть смысл в том, что ты делаешь.

В 1944 году, открыв «Правду», я прочитал, что наша армия перешла государственную границу. Не удержался, позвонил Исааковскому: «Мы шагаем по Европе!» Видимо, каждый из нас так давно ждал этого часа, настолько был внутренне готов к нему, что через какое-то время появилась наша новая песня «Под звездами балканскими». Наши солдаты сражались уже четвертый год. Теперь — на чужой земле. Они много повидали, пережили. И очень устали. Известно, чем меньше остается до родного дома, тем труднее и дольше длится путь. И поэтому мы старались подбодрить солдат, подкрепить перед последним броском.

— И вы с Исааковским отлично справились с боевой задачей. Послушайте бывшего радиста Петренко из Киева: «Господи, с каким восторгом и упоением распевали наши хлопцы «Балканские звезды». Музыка была такая душевная, «с настроением». Когда наша часть стояла под Берлином, «разведка донесла» — приехали из Москвы композиторы, и Блантер тоже. Эх, как мечтали увидеться с ним! Не довелось. Теперь, через сорок лет, — наше ему солдатское «спасибо!» А вот посмотрите, Матвей Исаакович, на эту фотографию.

— Послушайте, откуда она взялась? Михаил Светлов... Тихон Хренников и майор... как же его? Козловский, кажется. Точно — майор Козловский. Я понятия не имел, что такой снимок существует. Ведь это как вышло — мы попали в эту часть всего на несколько часов, и вдруг... Светлов! Даже переговорить толком не успели. Только сфотографировались... оказывается. Было это в Германии в апреле сорок пятого...

Седой, элегантный, он сидит напротив меня, погрузившись в молчание о «чем-то дорогом». В чем же секрет обаяния и власти музыки Блантера? Композитор Анатолий Новиков писал: «У Блантера все сказано в мелодии». Вероятно, поэтому музыка Блантера интернациональна. Эрнст Буш рассказывал, что «Партизан Железняк» был восторженно любим в республиканской Испании. В Мадриде, Барселоне, Бильбао пели «Железняк» интербригады.

В самый разгар фашистской оккупации возник на греческой земле гимн повстанцев, рожденный из «Песни о Щорсе».

В Панкраце, в гестаповской тюрьме, измученный, но не смоленный узник пел русскую песню «О казачке», которую написал мой собеседник. Я открываю книгу Фучика «Слово перед казнью» (которую принесла специально) и читаю вслух:

«Сегодня голова и сердце полны Густиной... Каждый вечер я пою ее любимую песню: о синем степном ковыле, что шумит, о славных партизанских боях, о казачке, которая вместе с мужчинами билась за свободу».

Матвей Исаакович отзывается не сразу...

— Фучик бывал у нас в стране. Тогда, наверное, и запомнил эту песню — он ведь хорошо говорил по-русски.

— Вы были знакомы с Фучиками?

— Нет. Но как-то в Праге, уже после войны, меня представили Густе Фучиковой. И я получил приглашение в гости. Мы говорили о красоте возрожденной Праги, о московских липах, о современной музыке и поэзии и... ни слова о том, что, несомненно, соединило нас в этом доме. Есть вещи на этом свете, о которых нельзя говорить вслух. Точнее — для которых нет слов.

И лишь музыка всегда желанна — и когда неуместны слова, и когда они есть, но чувства так глубоки, что не хватает слов, и когда не знаешь языка того, с кем хочешь поговорить. Музыка дает крылья песне. Советская песня составляет прекрасную музыкальную летопись нашей эпохи. Одна из лучших страниц ее написана композитором Матвеем Блантером.

Беседу вела Светлана ГЛАДЫШ.